

КАЛИГУЛА И КРАСНАЯ ПЕТЛЯ

Землю для своего “огорода” я по горсточке собирал в тундре и носил рюкзаком. Каждую весну на небольшой площадке под окном я сею укроп и редиску, сажаю лук и чеснок. Вдоль забора растут у меня зеленые листовнички и кустики красной смородины, а багульник, ива и ромашки прижились как-то сами собой.

Дед Сапожок по прозвищу «Калигула» стоит в метре от меня за сеткой забора, молча пыхтит трубкой и смотрит, как я делаю грядки. Я вижу его трясущиеся руки и знаю, чего ему от меня надо, но тоже помалкиваю.

- Однако, копаешь? - доносится наконец.

Чтобы скрыть смех, я наклоняюсь к самой земле.

- Те немцы тоже так делали. Ты раз собираешь, те, однако, три раз собирали. Шибко земля понимали. Картошка тоже сажали, репка, капуста...

Я уже знаю, что “те немцы” - это ссыльные немцы Поволжья, выехавшие отсюда “домой” больше четверти века назад, вскоре после указа о реабилитации от 1964 года. Этот поселок, Жданиха, основан ими в 1943 году. Уже потом, когда здесь появились дизельная и школа, стали съезжаться сюда окрестные кочевники-долганы. Сейчас это долганский поселок.

Ссыльные здесь, на 72-й параллели, выращивали картофель и другие овощи, а редиска давала у них три урожая в сезон. Картошку я давно перестал сажать, - все равно детишки из любопытства повыдергают, а редиска вырастает и у меня хорошая, крупная, но только один раз.

Заканчиваю грядку и приглашаю старика в дом:

- Заходите, Конон Евдокимович!

Дед Сапожок получил свое прозвище за малый размер обуви, на этом его сходство с Калигулой и кончается.

Ему 63 года. По здешним понятиям, “однако, шибко старый!”

В долганских поселках полно вдов и пожилых женщин, но пожилых мужчин можно по пальцам пересчитать. Каждый год гибнут молодые сильные мужики в тундре и на воде, гибнут, в основном, по пьяному делу, и множится число вдов, и дети растут без отцов...

- Вот. Сандер делал, - Сапожок ставит на стол объемистый чайник из толстой жести с бронзовым свистком на носике. После рюмочки дед оживает и начинает, к моему удивлению, называть по-немецки предметы на столе и в комнате: - "Бехер", "глас", "флинт", "байль", "ур", "брот", "вассер" дер рукомольник! (Кружка, стакан, ружье, топор, часы, хлеб, вода.)

Беру в руки чайник. Красивая, старая, прочная вещь. Верхняя часть приклепана к доньшку множеством мелких заклепок и пропаяна. Ручка - из оленьего рога. Свисток приделан к носику массивной медной цепочкой, ни разу не порвавшейся за многие годы. Чайник наискось пробит пулей, но рваное выходное отверстие тщательно обработано и обе дырки заткнуты деревянными пробками. Чайник "годный, однако!"

- Зачем же было стрелять? - с сожалением говорю.

- А брат пьяный. Дай, - говорит, - свистит-то!

- Не дам! - говорю.

- Дай! - говорит.

- Не дам! - говорю.

- Тогда - никому! И - карабин... Дурной был, как выпьет! Утром, однако, шибко жалковал, однако, плакал. Ну, что делать...

Понятно... Кто не «жалковал» утром о том, что натворил вечером?

В поселке не работает пекарня, поэтому у меня наготове тесто. Становлюсь к печи и скоро выкладываю деду на тарелку стопку свежих оладий, наливаю кружку крепкого чаю. Я всегда рад этому хрупкому, спокойному, маленькому, как подросток, старику. Однажды он обругал меня за неправильно поставленные сети, заявив при этом: "Риба - тоже человек!", чем сразу привлек мое внимание. Он научил меня чистить ружье кипятком, а карабин веревочкой. От него научился я узнавать погоду на день вперед, вязать простые и ловкие рыбацкие узлы, делать самодельную дробь, и в плохой год, когда из-за обилия мышей в тундре песок не берет приваду, ловить этих игривых белых лисичек просто на клочок оленьей шерсти.

Я слушаю деда, а с него уже и пот в три ручья.

Многие знают, что поволжские немцы были в 41-м году выселены в Сибирь и Казахстан и распылены по градам и весям так, чтобы они нигде не составили большинства населения. Известно также, что и вниз по Енисею, чуть не до самого Диксона, развезли ссыльнопоселенцев.

Но, оказывается, и сюда, в невообразимую даль, на восточный берег Таймыра, завезли ссыльных немцев Поволжья, а затем и калмыков. В начале сентября 1943 года ледоколы протолкнули через забитый льдом пролив Вилькицкого несколько барж с зеками. Первая партия попала на Хатангский рыбозавод, там были хоть какие-то бараки для жилья. Остальных расселяли по охотничьим станкам, рыбацким точкам или просто на голый берег.

- Бабы были да малые. Только мало-мало мужики - топор держать... Нора копали, как волки, а земля мерзлый. Тает, тает, мокро, склизко, совсем, однако, плохо...

Не знавшие свойств мерзлоты, люди ошиблись, пытаясь укрыться в земле от мороза. На второй год выжившие стали строить "дома" из местного леса, из лиственниц лесотундры, максимальная толщина таких бревен 15–17 сантиметров.

Стол и стулья из кругляка, печка из железной бочки, да лавки по стенам, - вот и все убранство такой избы. И давали план по рыбе и пушнине, и давали план по куропатке и, как могли, растили и учили добру детей.

...- Возле каждый лунка энкеведе стоял, риба считал, книжка писал. Нам, однако, давал! Немножко, - два, три, бери, семья корми. Немец - нельзя! Калмук - нельзя! Пусть - как хочет! Мы, однако, немножко прятали! Немец давали, калмук давали. Тогда - живой! Тогда дикий олень Авам ходил, тут нету. Мясо, однако, мало. Тогда куропатка ловили, петля женский волоса делали. Старая Мария-Лиза не кушала. Говорит, Бог не велит удушенный мясо кушать... Две ее дети кушали, жили. Она весна умирала...

Пять тысяч человек - численность долганского народа. Живет он в девяти поселках, и

почти в каждом были ссыльные немцы, и всем помогли кочевники выжить, и везде сохранили тундровые кочевники уважительное отношение к трудолюбию моих земляков, к их душевному богатству, верности слову, всегдашней готовности прийти на помощь.

Ныне опустели заброшенные станки ссыльных под Волочанкой, в Хете, Крестах и Казачке, на Ново-Летовье, Таба-Арыта, на Старорыбной, Малой Балахне и Сындасско.

Уцелел и остался людям поселок Жданиха. Он удобно расположен в устье одноименной речки, от жестокого хиуса, норд-оста, защищен горой, а знойд-вест все-таки помягче... Кроме могилки, остался здесь “немецкий” склад да несколько “немецких” домов. Небольшие эти дома, на две-четыре семьи срублены из местного леса, обложены высокими завалинками, отлично держат тепло, ни один из них еще не осел в мерзлоту, все исправно служат людям.

- Конон Евдокимович, - сказал я деду, - оставьте у меня чайник. Я вырежу заплатки, запаяю - будет, как новенький!

Сапужок радостно кивает, и нельзя не улыбнуться его счастливому лицу: и похмелился, и чайник наладил!

- Конон Евдокимович, а разве не было ниток крепких, что петли на куропаток делали женщины из собственных волос?

- И петля, - вновь оживляется дед, - и сети, однако, тоже волоса делали! Только мало волоса! Тогда шелковый платок есть? Давай! Шелковый юбка, рубашка есть - давай. Шарфик давай, все давай! Нитка таскали, сети делали. Такой сети тонкий, крепкий, рыба не видит, совсем не боится, однако. Тогда много попадает!

Я знаю, сколько труда стоит сплести ручную сеть даже из тонкой, гладкой, прочной лески и на минуту задумываюсь. Сапужок пододвигает ко мне пустую кружку, тихо звякает ложкой. Его узкие глаза опять темны от воспоминаний.

- Красный флаг, однако, тоже потихонько нитка дергали... Его много склад лежал. Тогда начальник говорит: «Однако, мышь! Однако, котана надо!» Волоса снова растет, красный флаг как растет?

Довольный дед тихо смеется. Я наливаю ему еще и сажусь рядом на стул. Нет нынче красного флага как и не бывало, народ нашел прочному шелку лучшее применение. Только тень красного прошлого по-прежнему лежит на стране. По-прежнему будоражит умы красная идея, по-прежнему в отношениях между нами преобладают оттенки красного, по-прежнему найдутся многие, готовые, подобно тем куропаткам, сунуть голову в красивую красную петлю...

Владимир Эйсер
1995 г.

